

РАЗДЕЛ 3

ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аверьянов К. А.
КЕМ ЯВЛЯЛИСЬ ЛЕТОПИСНЫЕ ПОЛОЧАНЕ?

В недатированной части «Повести временных лет» три раза упоминаются полочане. Летописец, рассказывая о расселении славян, сообщает: «...инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане» [9, т. I, с. 5–6]. Далее он пишет: «И по сихъ братьи [после смерти Кия, Щека и Хорива. – *Авт.*] держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане. От них же кривичи, же седять на верхъ Волгы, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ, туда бо седять кривичи; таже северъ от нихъ... Се бе токмо словенскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи...» [9, т. I, с. 9–10].

Эти известия дают основание полагать полочан отдельным восточнославянским племенем, если бы не одно «но». Та же «Повесть временных лет» под 862 г. в легенде о призвании варягов сообщает, что «перввии насельници... въ Полотъске кривичи». Поскольку кривичи участвовали в призвании Рюрика, то он посадил в городе одного из своих мужей [9, т. I, с. 20]. Под 1127 г. летописец, сообщая о походе киевского князя Мстислава Владимировича на Полоцкую землю, сообщает: «посла князь Мстиславъ съ братьею своею многы [на] кривичи четырьми путьми» [9, т. I, с. 297].

Ипатьевская летопись под 1140 и 1162 гг. [9, т. II, с. 304, 521], Воскресенская летопись под 1129 и 1162 гг. [9, т. VII, с. 28–29, 76] именуют полоцких князей кривичскими.

Это противоречие в показаниях летописца породило давний спор между исследователями о соотношении летописных полочан и кривичей – являлись ли первые частью кривичей или же представляли собой отдельное этническое образование? По этому поводу высказывались различные мнения. Н. П. Барсов, М. В. Довнар-Запольский полагали полочан западной ветвью кривичей, получившей название от Полоцка. При этом П. В. Голубовский считал полочан главной частью племени кривичей [4, с. 85; 7, с. 24; 5, с. 46–50].

За это говорили несомненные факты. В перечне племен, участвовавших в походе 907 г. на Византию полочан нет (при этом кривичи названы), хотя жители Полоцка все же были среди дружинников этого похода, поскольку в тексте договора с греками в числе городов, получателей византийской дани назван Полоцк [9, т. I, с. 13].

В советской историографии возобладало мнение о существовании отдельных племен полочан и кривичей (П. Н. Третьяков, А. Г. Кузьмин, В. В. Седов) [13, с. 222–223; 8, с. 125–127; 11, с. 270]. Л. В. Алексеев попытался соединить эти две точки зрения. Считая полочан западной ветвью кривичей, историю Полоцкой и Смоленской земель он, тем не менее, рассматривал отдельно [2, с. 53–61; 3, с. 43, 101–106, 194–195].

Следующим шагом в развитии дискуссии стало рассмотрение вопроса – являлись ли полочане и кривичи племенами? Данный вопрос возник не случайно. Картографируя размещение славян, исследователи обратили внимание на огромную разницу: если среди полабских славян, живших на территории площадью около 100 тыс. км², известно до 40 отдельных племен, то в Восточной Европе площадью примерно в 700 тыс. км² зафиксировано всего 13 восточнославянских этнонимов. Относительно западных славян нет сомнений, что они являлись племенными союзами, поскольку каждый из них включал в себя 6–8 и более мелких племен, названия которых, наряду с именем племенного союза, известны по письменным источникам. Отсюда возникло предположение, что в «Повести временных лет» попали только имена крупных племенных союзов, в свою очередь состоявших из нескольких племен. Летописец начала XII в. не знал названий мелких племен, существовавших за три столетия до его эпохи.

Первыми поиски в этом направлении начали археологи. Г. Ф. Соловьевой на основе анализа различий в погребальной обрядности была предпринята попытка выделить отдельные локальные группы внутри племенных союзов вятичей (6 групп), радимичей (8 групп), дреговичей (2 группы). Ею был сделан вывод, что перечисленные летописцем радимичи и вятичи представляли собой не что иное, как племенные союзы, куда могло входить до десятка племен [12, с. 138–170].

Это наблюдение подтверждают письменные источники. Под 984 г. «Повесть временных лет» рассказывает о походе князя Владимира Святославича на радимичей. «Иде Володимеръ на радимичи. Бе у него воевода Волъчий Хвостъ, и посла и Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста; сърете радимичи на реце Пищане, и победи радимиче Волъчий Хвостъ. Темь и русь корятся радимичемъ, глаголюще: "Пищанъци волъчья хвоста бегаютъ"» [9, т. I, с. 36]. Возникшая в результате этого поговорка позволяет выделить внутри радимичей более мелкое племя *пищанцев*, получивших свое имя от реки Пищани, небольшого (15 км длины) притока Сожа интересно, что оно совпадает с территорией одной из локальных групп радимичей, выделенных Г. Ф. Соловьевой.

Еще одно упоминание мелкого племени – *семичи* – в составе племенного союза северян встречаем в «Поучении Владимира Мономаха, где князь вспоминает о разгроме (около 1080 г.) половцевхана Белкатгина: «И на заутрее за Новым Городом разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семичи и полонъ весь отяхом». Левым притоком Десны является Сейм в долине которого известно Посеймье, а следовательно семичи – жители Посеймья. Владимир Мономах, говоря о последующих боях, сообщает, что двигаясь к Прилукам, он внезапно встретил до 8 тыс. половецких воинов. Русской рати удалось спешно укрыться за городскими стенами почти без потерь, «толко семцю яша одного живого, ти смердъ неколико» [9, т. I, с. 103]. Как указывал Б. А. Рыбаков, «семичи» – типичное по своей форме племенное имя [10, с. 264]. Это, очевидно, одно из подразделений племенного союза северян, получившее имя по реке Сейм, что подтверждается свидетельством недатированной части «Повести временных лет» о том, что северяне делились, как минимум, на три более мелкие группы: «А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася север» [9, т. I, с. 3].

Такой же частью племенного союза кривичей являлись полочане. Заслугой Л. В. Алексеева стало то, что на основании археологических данных он определил, что кривичи являлись племенным союзом, а не отдельным племенем. В пределах Полоцкой земли XI–XII вв. им было выявлено 8 скоплений кривичских поселений, в Смоленской – 2. Здесь в IX–X вв. существовал союз племенных княжеств, включавший 10 племенных княжеств, соответствующих 10 скоплениям кривичских поселений – полоцко-ушачскому, гайно-березинскому, друцкому, лукомльскому, оршанскому, усвятскому, витебскому, изяславльскому, верхнеднепровскому и верхнедвинскому (торопецкому) [1, с. 23–25, 28].

Уже в постсоветское время А. А. Горский согласился с этим выводом. По его мнению, на территориях будущих Полоцкой и Смоленской земель в IX–X вв. существовал союз 10 племенных княжеств, соответствовавший 10 скоплениям кривичских поселений. В IX в. главенствующим было полоцко-ушачское княжество и по нему «территориальным» названием кривичского союза стало имя «полочане», а его центром Полоцк. Смоленск, располагавшийся на месте Гнездова, был центром верхнеднепровского княжества, входившего в кривичский союз. Эта ситуация отразилась в первоначальном тексте «Повести временных лет», где названы только полочане – главное племенное княжество союза. С конца IX в. после объединения Новгорода и Киева и расцветом пути «из варяг в греки» возрастает роль Смоленска, куда начинает стекаться дань, собираемая со всей Кривичской земли, а сам он становится ее центром. При этом, по мысли А. А. Горского, здесь было ликвидировано местное княжество и был посажен великокняжеский наместник. Таким образом, в истории кривичей этого периода существовал только один племенной союз, который помимо старого этнонима («кривичи») назывался также «полочанами» имени сильнейшего из входивших в его состав племенных княжеств [6, с. 50–60].

Однако исследователь не учел того, что территория кривичского союза отнюдь не ограничивалась Полоцкой и Смоленской землями. Недатированная часть «Повести временных лет» прямо говорит, что кривичи обитали «...на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ» [9, т. I, с. 5]. Кривичам принадлежала и будущая Псковская земля. В позднем Архангелогородском летописце сохранилось прямое указание об Изборске как кривичском городе [9, т. XXXVII, с. 56]. Об этом же свидетельствует и то, что латыши, ближайšie соседи псковичей, до сих пор называют всех русских термином *krievi*, а Россию – *Krievija*, производным от названия кривичей. Очевидно, латышские племена первыми столкнулись с кривичами и затем распространили их имя на все русское население.

Археологические данные дают возможность обрисовать территорию кривичей. На юге они вплотную соприкасались с дреговичами примерно по линии Заславль – Борисов – Шклов – устье Остера (левый приток Сожа). По Днепру кривичская территория языком опускалась до Рогачева. С радимичами четкого рубежа не существовало, а на востоке приблизительно по верховьям р. Москвы кривичи соседствовали с вятичами. При этом, из-за очень слабой заселенности этого края колонизация кривичей шла еще дальше на восток, проникая в X–XI вв. в районы позднейшего Тверского Поволжья и Волго-Клязьминского междуречья, где она сталкивалась с аналогичными колонизационными потоками со стороны новгородских словен и вятичей.

Кривичской была и территория верховьев Волги приблизительно до современного Зубцова. От верхневолжских озер граница шла к верховьям р. Ловати, а затем р. Великой. Кривичам принадлежали верховья Западной Двины. На западе владения кривичей вплотную соприкасались с землями латгалов, а к югу граничили с литвой. Район, располагавшийся еще южнее в бассейне верховьев Немана и составивший позднее так называемую Черную Русь с центром в Гродно, был объектом освоения кривичского населения, шедшего из района Полоцка. Любопытно, что в западных источниках вплоть до XIV в. Черная Русь иногда называлась «кривичской землей».

Очевидно, следует искать иное объяснение того, почему в «Повести временных лет» первоначальный термин «полочане» заменяется именем «кривичей». Это было связано с прокладкой торговых путей между Западной Европой и странами Востока. Экспансия Арабского халифата в VIII в. перерезала кратчайший путь по Средиземноморью между Западной Европой и Константинополем, являвшимся крупнейшим торговым центром. В поисках новых дорог взоры купцов обратились на восток Европы. Во второй половине VIII в. был открыт Волжский торговый путь. Но у этого маршрута, кроме чрезвычайной длины, имелся существенный недостаток: южную его часть контролировал Хазарский каганат, претендовавший на свою часть торговых пошлин.

На рубеже VIII–IX вв. был найден более короткий маршрут. Им стал путь «из варяг в греки». Помимо сокращения для купцов дороги в столицу Византии, он исключал из торговли посредническую роль хазар. Именно его с середины IX в. начинают контролировать варяги во главе с Рюриком.

Однако, позднее была обнаружена другая, более короткая дорога из северной Европы в Византию – из Рижского залива по Западной Двине, а затем волоком в Днепр в районе современного Смоленска. Судя по всему, это открытие пришлось на третью четверть IX в. Подтверждение этому находим в Никоновской летописи XVI в., сообщающей под 864 г. о попытке варягов Аскольда и Дира, захвативших Киев, поставить данный путь под свой контроль: «Того же лета воеваша Аскольдъ и Диръ полочанъ и много зла сътвориша» [9, т. IX, с. 9]. Переход основного торгового потока с Волхова на Западную Двину грозил подорвать монополию Ладоги, контролировавшей как путь «из варяг в греки», так и Волжский путь.

Именно поэтому в 882 г. преемник Рюрика Олег предпринял все усилия, чтобы самому контролировать поток товаров через Восточную Европу. Поскольку без содействия княжеской власти транзитная торговля в тогдашних условиях была невыполнима, торговому значению Полоцка был нанесен серьезный удар. Как следствие этого, термин «полочане» начинает заменяться в Начальной летописи термином «кривичи».

1. Алексеев, Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев // Древняя Русь и славяне. – М., 1978.
2. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1966.
3. Алексеев, Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1980.
4. Барсов, Н. П. Очерки русской исторической географии / Н. П. Барсов. – Варшава, 1885.
5. Голубовский, П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия / П. В. Голубовский. – Киев, 1895.
6. Горский, А. А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) / А. А. Горский // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. – М., 1995. – С. 50–63.
7. Довнар-Запольский, М. В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891.
8. Кузьмин, А. Г. К вопросу о «полочанах» Начальной летописи / А. Г. Кузьмин // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 125–127.
9. Полное собрание русских летописей.
10. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.
11. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М., 1982.
12. Соловьева, Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне) / Г. Ф. Соловьева // Советская археология. – 1956. – Вып. XXV. – С. 138–170.
13. Третьяков, П. Н. Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – М., 1953.

Нагирный В. Н.

ОБ ОКРУЖЕНИИ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА: МИЛОСТНИК КОЧКАРЬ

В 1176 г. на киевском троне утвердился представитель черниговской ветви Рюриковичей – Святослав Всеволодович. Его правление в номинальной столице Руси продолжалось до 1194 г. и отмечено как активностью в отношениях с другими русскими княжествами, так и значительными успехами во внешней политике, в первую очередь, в борьбе с половцами. Но несмотря на достаточно долгое княжение Святослава, источники почти не сохранили данных о его ближайшем окружении. В целом на страницах летописей можно встретить упоминания только о двух таких лицах – воеводе Романе Нездидовиче [см. о нем: 21] и милостнике Кочкаре. Настоящая работа посвящена второму из них.

Приближенный киевского князя упомянут на страницах «Киевской летописи» только по имени, которое указано в датальном падеже: «Кочкаремь» [6, стб. 614]. В именительном падеже оно, вне вся-